

A surreal landscape with a large, glowing moon, a person's silhouette on a staircase, and a starry sky. The scene is set against a deep blue, starry night sky. A large, bright, glowing moon dominates the upper half of the frame, casting a soft light. In the center, a silhouette of a person stands on a wooden staircase that appears to be built on clouds. The person is facing away from the viewer, looking towards the moon. The clouds are soft and billowy, adding to the dreamlike atmosphere. The overall color palette is dominated by blues, teals, and yellows from the moon's glow.

Софья Бекас

Обратная
сторона
Луны

Софья Бекас

Обратная сторона Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70568080

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда любимый человек умирает, все мы начинаем верить в потусторонний мир – ну, или хотя бы хотим верить. Когда ты учёный до мозга костей, сделать это труднее. Но всё-таки можно. А там, глядишь, и судьба подарит тебе шанс убедиться в своей правоте.

Софья Бекас

Обратная сторона Луны

Эниф вышел из душа и зашлёпал влажными тапочками в сторону спальни. Сегодня он хотел лечь пораньше и хорошенько выспаться – впрочем, он хотел сделать это каждый вечер, и пока ему это ни разу не удалось, за что он жутко злился на себя. Каждый раз что-то мешало ему осуществить задуманное, и всегда на следующее утро он от души ругал себя за свою безалаберность.

Эниф сел на край кровати. Он был не старик, но уже при летах: смерть жены, чья маленькая фотография стояла рядом на тумбочке, сильно состарила его.

– Спокойной ночи, Антарес. Сладких снов.

Эниф лёг на спину, натянул одеяло почти по горло и сцепил на животе руки в замок. Спать не хотелось – конечно, спать ему не хотелось, ведь последнее время он ложился порядком позже, чем ему следовало бы. Эниф жил в мансарде, а потому почти половину квартиры с одной и другой стороны съедала скатная крыша. Сквозь широкие наклонные окна на Энифа смотрела полная луна, а где-то высоко над домом истерично смеялись чайки.

– Небо сегодня чистое, – тихо сказал Эниф в пустоту. Ответом ему послужило молчание.

Прошло ещё где-то минут сорок, однако сон не шёл. В

конце концов, Эниф нетерпеливо выдохнул, быстрым движением отбросил в сторону одеяло, спустил ноги, нашарил где-то под кроватью тапочки, накинул халат и зашлёпал к окну.

– Не надо сетовать на мою неорганизованность, Антарес, – произнёс Эниф одними губами, так что с них сорвался только неразборчивый шелест. – Ты бы сама не устояла.

У окна стоял телескоп. Это Антарес привила Энифу любовь к астрономии – до встречи с ней он как-то не уделял внимание этому разделу науки, хотя сам был человеком учёным. Эниф любил физику, математику и инженерию, немного разбирался в химии и ещё меньше в биологии, а вот небесная механика как-то осталась от него в стороне, поэтому, когда Антарес, увидев мансарду, поделилась с ним своим увлечением, Эниф очень удивился.

– Ты разбираешься в астрономии? – спросил он, втаскивая по лестнице чемоданы. – Не знал.

– Да, есть такое дело, – ответила Антарес и, остановившись передохнуть, недовольно глянула на записку «лифт не работает». – А ты что, нет?

Эниф пожал плечами.

– Не довелось как-то.

Антарес любила мифическую астрономию, литературную, иногда зодиакальную и была далека от физической стороны большинства космических явлений, да и вообще она больше предпочитала мир искусства, чем мир цифр и гра-

фигов, потому Эниф и удивился, узнав о её тяге к астрономии. Она интересовалась наукой, но многое оставалось ей непонятно, и даже попытки Энифа объяснить схему движения планет оказались безуспешны.

– А меня, кстати, назвали в честь звезды, – с улыбкой сказала она однажды вечером. – Антарес – это самая яркая звезда в созвездии Скорпиона.

– Наверное, здорово быть названной в честь звезды, – ответил ей в темноте Эниф. – Это ведь так красиво!

Антарес приподнялась на локтях и удивлённо посмотрела на мужа.

– Что значит «наверное»? – спросила она. На её лице отразилось такое искреннее недоумение, что Эниф рассмеялся. – Тебя, вообще-то, тоже назвали в честь звезды. Ты что, не знаешь?

Тут уже пришла очередь Антарес смеяться над искренним недоумением на лице Энифа, а в следующий миг она спрыгнула с кровати, убежала куда-то в коридор и вернулась с большим астрономическим словарём.

Как Эниф выяснил в тот вечер, его имя действительно означало звезду, и не просто звезду, а самую яркую звезду в созвездии Пегаса. Эта новость, хоть и польстила, привела его в большое замешательство.

– Надо же, – проворчал он куда-то в подушку под смех Антарес. – Прожил на свете сорок с лишним лет, чтобы узнать, что, оказывается, назван в честь звезды. Хотя, мне кажется,

я не очень-то на неё похож.

С тех пор прошло время. Не много, не мало – в самый раз. Достаточно, чтобы произошли и разные хорошие события, принёсшие радость, и одно, которое перечеркнуло всё.

– Да, небо сегодня чистое. Удивительно чистое, я бы даже сказал, – прошептал Эниф в темноте комнаты. – Давление высокое... И луна очень большая.

Эниф прильнул к телескопу, посмотрел, подумал, отпрянул, посмотрел на небо невооружённым глазом, удивился, вернулся к телескопу и удивился ещё сильнее. Луна сегодня была такой большой, что не влезала в телескоп и загораживала собой всё изображение в объективе.

– Никогда не видел такой луны, – пробормотал Эниф себе под нос, но в тишине комнаты это прозвучало слишком громко. – Готов поспорить, ты тоже, Антарес.

Он действительно никогда раньше не видел такой луны: она была большая, яркая, с удивительно чёткой бугристой поверхностью. Эниф нахмурился и пригляделся. Он вдруг совершенно ясно увидел белые пыльные горы, тёмно-серые пятна обезвоженных морей и пустые ямы кратеров.

– Наверняка уже завтра появятся новости об аномально большой луне, – прошептал Эниф, зажмурив один глаз. – Вот и проверим мою догадку...

Он долго ещё смотрел на луну, иногда забывая дышать, и чем дольше он приглядывался, тем больше деталей он замечал – или это просто его уставший мозг придумывал что-

то новое? Сначала ему показалось, что белый круг опутали частые тонкие чёрные нити, а потом пропали; затем глаза Энифа начали подводить его, картинка стала расплываться и пульсировать, а после в игре света и тени ему и вовсе начали мерещиться чьи-то размытые лица.

Вдруг луна зашевелилась. Эниф вздрогнул, устало протёр глаза и снова посмотрел в телескоп. Полная луна медленно повернулась, и на Энифа уставился огромный зелёный зрачок. Глаз лукаво подмигнул ему.

Эниф в страхе отшатнулся от телескопа. С неба на него смотрела обыкновенная полная луна, разве что несколько увеличенная в размерах.

– Тьфу ты! Привидится же белиберда всякая на ночь глядя, – отрешённо пробормотал Эниф и зашлёпал к кровати. Потом, подумав, вернулся к окну, опустил занавески и снова лёг в постель, недовольно отвернувшись к стене, но даже там ему мерещился большой бледный диск, просвечивающий сквозь полотно. Эниф закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Я старею, Антарес, и мне жаль, что через пару десятков лет тебе придётся встречать нелюбезную развалюху вместо того, кем я был когда-то. Теперь я понимаю, почему ты так настаивала на фотографии, хотя ни ты, ни я этого не любили. О, какое счастье, что ты настоящая... «Вот будет тебе семьдесят, захочешь посмотреть на себя молодого, и что ты будешь делать?» О Антарес, моя милая нежная Антарес... Забыть себя я готов хоть тысячу раз, но забыть те-

бя... Непростительно.

Эниф перевернулся на спину и уставился пустым взглядом в потолок.

– Невозможно.

Наверное, он задремал, потому что в следующий раз, когда он открыл глаза, высокие напольные часы в коридоре гулко ударили один раз. Эниф перевернулся на бок и стал разглядывать комнату: белый свет пробивался сквозь плотные занавески приглушённой дымкой и рисовал на полу странные узоры. Где-то за окном играла флейта Пана.

– Ненормальные, – раздражённо прошептал Эниф и накрылся одеялом с головой в надежде заглушить музыку, но это не помогло. Казалось, кто-то играл не просто за окном, то есть где-то на улице, а непосредственно за окном, на краю крыши. Эниф устало простонал: ему совсем не хотелось вставать и вылезать из-под тёплого одеяла, в котором ему мерещились руки Антарес, но слушать весёлые греческие мотивы ему не хотелось ещё сильнее, поэтому он, кряхтя, сел, нашарил ногами тапочки и, на ходу завязывая халат, пошлёпал к окну.

– Эй вы, там! Время видели? Ночь на дворе!

Эниф поднял занавески, открыл окно, и все слова застряли у него в горле. Луна увеличилась ещё вдвое – в голове Энифа мелькнула паническая мысль о незапланированном конце света. На карнизе кто-то сидел: кажется, это была девушка, но утверждать Эниф не взялся бы. Изящный силуэт

бил по глазам и пульсировал холодным, даже голубоватым, ярким белым светом; в пальцах она держала такую же ослепительно белую флейту, а волосы, состоявшие, казалось, из снопа лучей, были заплетены в аккуратную корзинку.

– Извините! – негромко окликнул её Эниф, в раз растеряв всю свою храбрость, и кашлянул. – Позвольте спросить, что Вы здесь делаете?

Музыка стихла. Девушка вскинула голову, и Эниф отшатнулся: на него смотрело абсолютно пустое белое лицо, которое и лицом-то сложно было назвать, это было скорее бледное размытое пятно без глаз, носа и рта. Девушка мгновенно вскочила и спугнутой газелью бросилась бежать по лунной дорожке прямо в небо.

Через некоторое время Эниф нашёл в себе силы оторвать взгляд от мелькающего в облаках силуэта и опустил глаза. На краю крыши лежала забытая флейта Пана.

– Эй! – неуверенно крикнул Эниф в небо, жмурясь от яркого света. – Эй, Вы!

Даже если девушка и услышала его, возвращаться, конечно, не собиралась. Эниф покосился на оставленную флейту, а затем, воровато оглянувшись по сторонам, осторожно вылез через окно на крышу. Он медленно спустился вниз, к карнизу. Высота была приличной: Эниф не был уверен, что выживет, если упадёт отсюда, однако возвращаться не спешил.

Эниф робко коснулся пальцами флейты, словно боялся,

что она исчезнет. Но она не исчезла. Она лежала на самом краю крыши, ещё тёплая от чужих рук, настоящая, сияющая холодным лунным светом. Эниф поднял её, приложил к губам и дунул. Над пустынной улицей раздался тоскливый протяжный звук. Эниф нахмурился. Он попробовал повторить мелодию, которую играла девушка, но она тоже вышла какая-то тоскливая и протяжная. «Как странно, – подумал Эниф, с грустью глядя на флейту. – С твоей смертью я стал совсем неспособен творить светлое, Антарес».

Вдруг чьи-то пальцы выхватили флейту у него из рук. Эниф возмущённо воскликнул и вскинул голову: это вернулась лунная девушка без лица и теперь смотрела на него отсутствующими глазами. У неё были длинные тонкие руки и ноги. Она стояла на четвереньках на скате крыши и своей позой почему-то напоминала гиену, только обвязанную с головы до пят белыми бинтами. Девушка пугливо отбежала от Энифа, задумчиво остановилась напротив окна и вдруг, схватив его маленький телескоп подмышку, поскакала по лунному свету в небо.

– Эй! А ну стой! – опомнился Эниф, кинулся вслед за девушкой, но тут же затормозил у края крыши. Он глянул вниз, и от высоты у него закружилась голова. Девушка скакала далеко в облаках. Серебряная лунная дорожка заманчиво переливалась перламутром. Эниф нервно выдохнул и осторожно поставил ногу на один из лучей: белый свет окутал её прозрачным облаком, но не отпустил.

– Совсем спятил твой старик, Антарес, – прохрипел Эниф и поставил вторую ногу на луч.

Первые шаги были неуверенными, но уже через пару мгновений Эниф бежал по лунной дороге прямо в облака. Девушка всё так же мелькала перед ним: она скакала длинными широкими дугами, как антилопа, и в игре теней на какой-то миг Энифу даже показалось, что у неё на голове выросли тонкие, как веточки, рога.

Эниф устал. Ему уже не хотелось спать – о каком сне могла идти речь, когда странное, во всех смыслах неземное существо украло у тебя телескоп, а ты бежал за ним по лунной дороге? – но его сердце, за столько лет уставшее качать кровь, было не готово к такой нагрузке. Через пять минут Эниф остановился и, задыхаясь, посмотрел вниз. Далеко под ним плыл город – не большой, не маленький – обычный город. Он тускло мерцал рыжими фонарями улиц и, кажется, глубоко дышал во сне. Эниф оглянулся, сглотнул вязкую и солоноватую от бега слюну и прищурился. Его дом был едва заметен отсюда, и Эниф скорее знал, что это он, чем видел его на самом деле.

Немного отдышавшись, Эниф неспешно побрёл дальше. Луна увеличилась чуть ли не в сотню раз, и теперь он казался маленькой точкой на фоне её белого круглого силуэта. Почему-то Эниф не боялся, хотя, конечно, следовало бы, – наверное, это первозданное восхищение вытеснило из его груди весь страх. Хотелось бы сказать, что и усталости он не

чувствовал, однако тяжёлое сердце и ноющие ноги говорили об обратном.

Эниф снова остановился, и холодный ночной ветер дунул в его разгорячённое лицо. Отсюда ему уже виделся бугристый рельеф Луны: между тёмными пятнами с рваными, пожёванными краями Энифу мерещились пышные изумрудно-зелёные сады. Чёрные реки с медленными водами разрезали их, как вздувшиеся вены, и призрачный лунный огонь плясал в разведённых на их берегах кострах. Чьи-то силуэты двигались в тени деревьев вдали от пламени. Они были тонкие, изящные, с длинными конечностями и высокими чертами, словно не до конца высеченные из мрамора статуи, и их танец тоже был по-каменному медленный, плавный и величественный, но в то же время удивительно лёгкий и воздушный. Глядя на их переплетённые тела, Эниф странно подумал, что именно так выглядит смерть.

– Я устал, Антарес, – со слезами на глазах вдруг прошептал он, упёршись руками в колени и тяжело переводя дыхание. – Я так устал...

Наверное, он долго бы ещё стоял вот так, пытаясь потушить жгучую боль в груди, если бы чьи-то шёлковые крылья не коснулись его плеч. Эниф пообещал сам себе ничему не удивляться, но сделать это было трудно: рядом с ним на лунную дорогу опустилась крылатая белоснежная лошадь размером с медведя, с шеей длинной и кривой, как у лебедя.

– Как было бы здорово, если бы ты подвёз меня, дружи-

ще, – прохрипел Эниф, исподлобья глянув на лошадь, и кивнул в сторону Луны. – Видать, у них там праздник... А она... Мой телескоп украла...

Лошадь с силой тряхнула шеей и замотала головой из стороны в сторону.

– Ладно. Сам обойдусь, – вздохнул Эниф и со стоном выпрямился.

И вдруг какая-то большая, животная сила подхватила его к себе на спину. Эниф едва успел обвить руками лошадино-лебединую шею: лошадь понесла, и огни его города начали стремительно уменьшаться, пока и совсем не пропали из виду. От разреженного воздуха у Энифа заболела голова.

Не прошло и получаса, как копыта лошади коснулись пыльной поверхности. Эниф, чуть пошатываясь, неуклюже сполз и, прижимая одну руку к животу, благодарно похлопал её по шее.

– Спа... Спасибо, – пробормотал Эниф и со стоном уткнулся лбом в плечо лошади. Его мутило. В голове некстати прозвенел весёлый голосок Антарес, которая всегда смеялась над его морской болезнью, по какой-то неизвестной причине распространявшейся и на воздух. – Я тебе премного.... Благодарен.

Лошадь мотнула головой и прижалась большой щекой к спине Энифа.

Он неспешно пошёл по широкой тропе, во все глаза глядя на волшебные лунные пейзажи. И верно: посмотреть было

на что. Большие раскидистые деревья с густой изумрудной листвой плавно покачивались из стороны в сторону, как водоросли, несмотря на всю их внешнюю величественность и монументальность. По их ветвям, блестящим от росы, скакали белоснежные летяги; одна из них вдруг спикировала Энифу на плечо, а затем, недолго думая, перебралась на голову. Эниф удивился и поднял руку – летяга перепрыгнула ему на ладонь и посмотрела на него своими огромными масляно-чёрными глазами.

Дорога вывела его на берег реки. На обеих сторонах горели холодным лунным светом высокие костры. Тонкие люди танцевали вокруг них под медленную музыку, и их длинные тени двигались вместе с ними. Где-то играла флейта Пана, стучали барабаны, ритмично звенели бубны. Когда Эниф, неуверенно переминаясь с ноги на ногу и теребя полы халата, вышел из тени сада, люди остановились, обернулись и уставились на него своими пустыми лицами. Музыка стихла.

– Я... – Эниф кашлянул и протёр влажные ладони о халат: так он не волновался с тех пор, как впервые заговорил с Антарес о свадьбе. – Простите...

Вообще-то он никогда не был трусом, и характер у него был сильный, волевой и, как отмечали многие, не простой, но как учёный он всегда неизбежно терялся перед всем необъяснимым и неподвластным науке. Вот и теперь он совершенно не знал, что думать и делать: десятки пустых лиц с интересом разглядывали его, но не спешили ничего пред-

принимать, как будто оставляя право выбора за Энифом, а Эниф, в свою очередь, не имел ни малейшего представления, как себя вести.

Но вот один из людей, высокий молодой мужчина с тонкими, как ветви, оленьими рогами на голове сделал осторожный шаг к гостю. Эниф с удивлением заметил на его ногах пуанты.

«Добро пожаловать, – как бы сказал он, протянув одну руку в приветственном жесте и показав второй на своих собратьев. Эниф услышал это в своей голове, но он знал, что это не прозвучало здесь и что его собеседник ничего не произнёс. Вслух, по крайней мере. – Мы рады видеть новых гостей на нашем празднике».

– Прошу меня извинить, если я помешал... – пробормотал Эниф, к которому начала возвращаться уверенность. – И простите, что не одет, как следует...

«Выбросьте из головы эти лишние мысли, – снова прозвучал где-то внутри Энифа этот спокойный голос, и в нём ему приятным теплом послышалась улыбка. – Сегодня великий праздник! Вы не на Земле, так не позволяйте ничему земному испортить эту ночь».

Молодой мужчина повёл его вперёд. Снова зазвучала музыка: зазвенели серебряные колокольчики на чьих-то оленьих рогах, где-то на ветвях над головой Энифа запела флейта Пана, а ещё дальше между кострами безликие юноши заиграли на ксилофоне. «Ах, если бы только со мной была Ан-

тарес», – с горечью подумал Эниф, и эта мысль была тем единственным, что сейчас омрачало его.

И вдруг Эниф остановился, как вкопанный. Ничего не случилось: тонкие безликие люди танцевали свой странный танец, изгибаясь под каким-то невыносимым углом, играла музыка, качались деревья, но мысль, одна ясная чёткая мысль пронеслась у него в голове. Он растерянно огляделся, цепляясь глазами за размытые белые силуэты, и будто поновой увидел всё то, что его окружало. Далёкое воспоминание с удивительной яркостью вспыхнуло в его голове.

– Знаешь, есть такая легенда, – журчал, как родник, в полумраке комнаты голос Антарес. Рыжая лампа проливали жидкие пятна света на всё вокруг, и оттого их лица казались ещё моложе, чем они были на самом деле. – Раз в тысячу лет Луна поворачивается к Земле своей обратной стороной.

Эниф покосился в окно: сквозь косые стёкла на них смотрела большая полная луна.

– Эта ночь – большой праздник для лунного народа, – продолжала Антарес. – В эту ночь исполняются все заветные желания, а люди могут встретиться со своими умершими.

Тогда Эниф не сильно вдохновился этой легендой – он вообще редко вдохновлялся чем-то подобным и обычно оставался равнодушным к чадам литературного рода, в отличие от Антарес, которая порой слишком глубоко уходила в вымышленный мир, так что Энифу не раз приходилось спускать её с небес на землю.

– Лунный народ всегда рад землянам на своём празднике. Да что там, не только землянам: лунный народ рад любым гостям. На него, кстати, души умерших часто приходят в надежде встретить своих родных, – Антарес зевнула и улыбнулась, явно блуждая мыслями где-то далеко. – Кто знает, быть может, и нам выпадет шанс потанцевать у лунного костра...

Эниф, который сейчас стоял под ветвями изумрудных деревьев с белыми, как снег, стволами, снова удивлённо обернулся, внимательно вглядываясь в отсутствующие лица людей, словно хотел кого-то увидеть среди них. Белоснежная летяга, о которой Эниф уже успел забыть, быстро взобралась по его руке и уселась на плече.

– Прости меня, прелестное существо, – пробормотал Эниф, осторожно погладив летягу по голове. – Будь здесь Антарес, она была бы вне себя от радости. Сам я разучился быть ласковым.

Летяга, по всей видимости, так не считала. Она с интересом потрогала лапками ухо Энифа, пощекотала его тёплым дыханием и, в итоге, залезла ему на голову. Тихо усмехнувшись, Эниф отправился дальше.

Очевидно, праздник был в самом разгаре. Высокие тонкие люди представляли из себя в прямом смысле слова безликую толпу, напоминавшую деревья в лесу; разные странные животные ходили между ними совершенно без страха, и все они были ослепительно белые и били по глазам своим ярким светом. У Энифа создалось впечатление, что он попал

в рай до первородного греха.

«Вы не голодны?» – прозвучал в голове Энифа чей-то туманный женский голос. Рядом с ним материализовалась высоченная девушка ростом с дерево. Она наклонилась к Энифу свою длинную жирафью шею с жидкими лучами на голове и протянула ему жемчужный поднос, от сияния которого Эниф невольно зажмурился.

– Что это? – с любопытством спросил он, когда его глаза немного привыкли. Девушка застенчиво поводила мыском пуанта по пыльной поверхности.

«Это лунный свет, – снова услышал Эниф её голос. – Иногда мы подаём к нему сияние далёких звёзд, но, знаете, не сегодня. Угощайтесь».

– Да, я... – Эниф снова растерялся. – Право, простите, если я что-то сделаю не так...

«Вы здесь в первый раз? – догадалась безликая девушка, и в её голосе послышалась улыбка. Эниф робко улыбнулся в ответ и коротко кивнул. – Что ж... Я давно уже не была на Земле. Как оно там теперь?»

– Не считите за грубость, но мне сегодня не хочется говорить ни о чём земном. Вы правы, я здесь впервые, и хотел бы насладиться этой ночью сполна, коли уж судьба привела меня сюда.

«О да, я прошу прощения, – девушка наконец выпрямилась и размяла затёкшую шею. – Тогда угоститесь напоследок».

Было странно и необычно. Эниф миллион раз пожалел – впрочем, как и в любое другое время, – что рядом с ним нет Антарес, потому что, он был уверен, она рассказала бы ему много интересного, и он мог бы увидеть счастье на её лице.

– Это... Это так удивительно... – пробормотал Эниф. – Как будто я стою в реке по пояс. Луна светит и серебрит воду, и я зачёрпываю руками этот жидкий лунный свет. Он дрожит у меня в руках. И вода... Вода такая сладкая.

«Я рада, что Вам понравилось, – прозвучал у него в голове туманный женский голос. – Отдыхайте. Это будет долгая ночь».

И она ушла. Эниф не услышал её шагов, не увидел краем глаза сдвинувшуюся тень: она как будто растворилась среди деревьев. На голове кто-то зашевелился.

– Чего тебе? – спросил Эниф. Летяга пощекотала хвостом его ухо, примерилась, чуть неловко сползла на плечо и заглянула сбоку в глаза, словно просила его о чём-то. – Я не местный, порядков не знаю, – Эниф чуть нахмурился, осторожно провёл пальцем по голове летяги и пробормотал себе под нос: – Может, тебя гладить нельзя.

Эниф пошёл дальше. Мельтешащие вокруг силуэты рябили в глазах, сливались в одно светящееся пятно и кружили голову.

– А телескоп-то? – вдруг вспомнил Эниф и оглядел толпу. – Телескоп-то мой где?

И тут же впереди, в просвете между силуэтами, словно в

насмешку над Энифом, сверкнула сталью до боли знакомая ему вещь. Эниф, забыв, кто он и где он, со всех ног бросился за девушкой с движениями гиены – пару раз в погоне с него слетали тапочки, и Эниф, досадливо бормоча сквозь зубы, надевал их и бежал дальше. Наверное, со стороны он выглядел смешно, но его это не волновало: почему-то вернуть телескоп было важно. Может быть, потому, что это был телескоп Антарес.

И вдруг он замер. Долгоногая и долгорукая девушка выбежала на смотровую площадку – белый камень искрился под ногами, на краю сияли перила; огромная бело-голубая Земля, вспыхивая знакомыми рыжими огоньками, ворочалась с боку на бок совсем близко, – но Эниф ничего этого не видел.

На него смотрели удивительно знакомые, ласковые глаза. – Здравствуй, Эниф, – тёплая улыбка осветила её лицо, и тонкие морщинки побежали по светлой веснушчатой коже. – Ты немного припозднился: праздник уже в самом разгаре. Но это ничего, у нас ещё много времени. Лучше поздно, чем никогда, верно?

Эниф преодолел разделявшее их расстояние в одно мгновение. Он боялся, что его руки пройдут сквозь пустоту, но этого не случилось, и он обнял её так крепко, как не делал уже очень давно. Время текло медленно и тягуче, словно мёд.

– Я так скучал, – наконец прошептал Эниф, зажмурившись. Глубокая горестная складка залегла между его бровя-

ми, и чьи-то тёплые тонкие пальцы ласково разгладили её.

– Не хмурься, – прозвучал над ухом её голос. – Верю. Я сама очень по тебе скучаю. Правда.

– Это пытка, Антарес, – выдохнул Эниф и наконец немного отстранился, но лишь для того, чтобы заглянуть в её лицо. Если раньше он боялся открыть глаза и осознать, что всё это лишь сон, то теперь он не мог оторвать от неё взгляд. – Каждый день – жгучее желание встретиться с тобой снова, и оно только растёт. Я устал, Антарес.

– Понимаю, – Антарес задумчиво обвела глазами его лицо и поправила тёмную выцветшую прядь, в которой местами мелькало серебро. – Но по-другому нельзя. Пойдём лучше, я покажу тебе кое-что. Тут много чего интересного, поверь.

– А где мы, Антарес? – спросил Эниф. Она тянула его за собой, и ему приходилось почти бежать, чтобы успеть за ней. – Это же... Это... Тот праздник... О котором ты как-то рассказывала...

– Да. А это обратная сторона Луны, – Антарес обернулась и тепло улыбнулась. – Приятно, что ты помнишь.

Они выбежали на берег реки. Река была не очень большой, всего пару метров в ширину, но из-за чёрной воды казалась бездонной, и Эниф не рискнул бы не то что переплыть её, а даже просто опустить в неё руку. На другой стороне горел высокий бледный костёр; кто-то танцевал.

– Это Ключ Ищущих, – сказала Антарес, задумчиво глядя на чёрную воду. Казалось, будто что-то большое и таинствен-

ное шевелилось под кромкой, урчало, как огромный кот, и двигало камни на дне. – Многие сами не знают, чего хотят, а этот источник чувствует все тайные желания. Он проводит нас в нужное место.

Антарес безропотно опустила ладонь в течение; Эниф, чуть помедлив, повторил её жест. Под водой что-то зашевелилось. Прошла секунда, две, и на поверхность всплыл старенький, слегка потрёпанный велосипед.

– Эниф! – с улыбкой воскликнула Антарес и засмеялась от радости. – Это же твой велик! Ты катал меня по парковой набережной, помнишь?

– Конечно, помню! Много раз. Однажды мы катались в конце сентября, и ты постоянно жаловалась, что замёрзла. Деревья стояли огненно-рыжие...

– Всё-то ты помнишь. Поехали?

Антарес подхватила велосипед и поставила его прямо по середине ручья. Мелкие волны расходились у его колёс и снова соединялись в одно течение.

– Эм, Антарес? – с сомнением в голосе спросил Эниф, заглянув в воду. В ответ на него посмотрела бездна. – Ты уверена, что это хорошее решение? Мы не утонем?

– Ключ хочет, чтобы мы покатались! – с улыбкой возразила Антарес, словно Эниф не понимал чего-то элементарного. – Это наше общее желание, и он чувствует это! А насчёт воды не волнуйся: с нами ничего не случится, – Антарес задумчиво посмотрела на бело-голубой силуэт Земли позади

и грустно вздохнула: – До конца ночи, по крайней мере.

Двойной счастливый смех звенел над обратной стороной Луны. Это смеялись Эниф и Антарес. Безликие силуэты удивлённо оборачивались, но, увидев землян, слепо улыбались отсутствующими губами и принимались танцевать ещё быстрее, выражая свою радость порой странными движениями тел. Старенький, чуть ржавый велосипед стремительно рассекал чёрные воды, и белая пена разлеталась во все стороны, как стая бабочек. От счастливой улыбки, какой у него не было уже давно, у Энифа начинало сводить скулы. Летяга на ходу прыгнула с его плеча в руки Антарес, и та осторожно погладила её спинку, отчего летяга, казалось, широко заулыбалась; из глубины поднимались косяки сияющих белым светом летучих рыб и выпрыгивали из воды по обе стороны от велосипеда, и огромные чёрно-белые манты пролетали над Энифом и Антарес, как орлы.

– Всё... Я устал... – наконец выдохнул Эниф через плечо: он бы с удовольствием катал Антарес хоть всю свою длинную вечность, но его сердце, к сожалению, было против – в физическом смысле. – Прости, но я уже... Задыхаться... Начинаю...

– Эх ты, спортсмен, – шутливо укорила его Антарес и положила свои руки на его. – Смотри, как надо!

Бурный чёрный поток вдруг подхватил их и понёс дальше. Педали крутились сами, руль поворачивался из стороны в сторону, скрипели старенькие цепи... Эниф ничего не де-

лал. Вначале он было испугался, но все его опасения тут же рассеялись, оставив место лишь для первоначального восторга.

– Это прекрасно, Антарес! – крикнул он, подставив руки под блестящие брызги. Капли, которые упали ему на ладони, тут же превратились в россыпь чистейших алмазов. – Я так счастлив!

Река нырнула под полог двух переплетённых ив и вылилась в реку. Течение замедлилось, и велосипед, тихонько брякнув звоночком, выехал на его бурый песчаный берег.

– Удивительно, тебя даже не укачало, – пошутила Антарес и села прямо на мокрый песок. Эниф с кряхтением повторил её действие.

– Сам не могу поверить, – ответил он и со стоном прогнул спину. – Жаль, на этом празднике не возвращают молодость, она была бы мне сейчас очень кстати.

– Всему своё время. Посмотри лучше, какая красота вокруг!

– Да, и правда красиво. А где мы, Антарес?

Над ними большим куполом, как в планетарии, переплетались кроны изумрудно-зелёных ив, погружая всё под собой в ночной полумрак. По кристально чистой поверхности озера плавали большие цветы лотоса, светящиеся мягким белым светом; под сводами пещеры летала какая-то живность, но Эниф не мог разобрать, кто именно.

– Это озеро Пророка, – сказала Антарес вполголоса, задумчиво пропустив песок сквозь пальцы. – Говорят, жил ко-

гда-то на свете юноша. Он был умён, красив и добр. Одному демону это не понравилось, и он утопил юношу в озере. Однако лунный народ забрал его душу на Луну и подарил ему дар заглядывать в будущее. Пророк поселился на дне озера, и с тех пор его воды показывают людям то, что им предре- шено... Только показывают так, что никто этого понять не может.

Эниф посмотрел на своё отражение в воде. Рядом с ним сидела Антарес и в своих мыслях водила пальцем по мокро- му песку, выводя непонятные узоры; покачивались на невидимых волнах чашки лотосов, мелькали тени неизвестных существ.

– Многие приходили к озеру узнать своё будущее, но ни- чего не увидели. Они обиделись на Пророка, подумав, что он их обманул. Тогда про озеро все забыли. Оно заросло де- ревями и плющом. Теперь Пророк открывает к нему дорогу только тем, кто действительно может понять предсказание.

– Что-то я не вижу никакого предсказания, если честно, – почесал голову Эниф. – Только ты и я.

Антарес наклонилась к нему, тоже взглянула на отраже- ние и с улыбкой вздохнула.

– Вот именно, Эниф. Только ты и я.

Они ещё долго сидели на берегу озера, слушали его ти- хий шелест и говорили, говорили, говорили... Они говорили обо всём на свете и одновременно ни о чём. Эниф рассказал, как однажды их соседка случайно уронила телевизор из ок-

на; Антарес рассказала, как помогала девушке с жирафьей шеей выпутываться из ветвей деревьев. Эниф рассказал, как чья-то собака превратила подол его пальто в бахрому, пока он стоял в очереди в поликлинике; Антарес рассказала, как люди лунного народа помогли ей выбраться, когда она застряла в кратере. Словом, было что обсудить.

Эниф всё пытался понять, что за существа летают над озером; наконец одно из них спустилось поближе и село на его руку.

– Кто это? – удивился Эниф, пытаясь разглядеть поближе. На его руке сидело размером с ладонь странное создание, больше напоминавшее клубок шерсти, чем живое существо, однако в нём прослеживались очертания крыльев и лапок.

– О... Это бабочки-недотроги, – сказала Антарес, заглянув Энифу через плечо, и слабо улыбнулась. – Когда-то они были гусеницами-кокетками. Они постоянно залезали на людей и требовали к себе внимания. Они были очень... Милые и пушистые, гладить их было одно удовольствие, но так уж вышло, что их тела выделяли яд, и на коже людей оставались ожоги. Тогда лунный народ превратил их бабочек-недотрог, и теперь они боятся подходить к кому бы то ни было.

– Да? А что же тогда она села на меня? – спросил Эниф, показав головой на бабочку у себя на ладони. Антарес усмехнулась.

– Они могут подлететь к человеку, если чувствуют, что

тот их не тронет и не станет обижаться за случайный ожог.

Бабочка, грузно взмахнув тяжёлыми волосатыми крыльями, поднялась под купол и присоединилась к своим соратницам. Эниф опустил взгляд на ладонь: на коже осталось лёгкое покраснение.

– Ничего, – сказала Антарес, ласково погладив его руку. – Это быстро пройдёт. Первые же объятия живого человека смоят ожог бабочки-недотроги.

На лице Энифа расплзлась одновременно невероятно счастливая и невероятно печальная улыбка. Антарес помнила эту улыбку: только Эниф мог улыбаться так.

– Он никогда не исчезнет.

Вдруг что-то изменилось. И Эниф, и Антарес это почувствовали – как будто что-то ослабело, а они перестали быть одни. Антарес обернулась, вслед за ней Эниф. Под пологом низких ивовых ветвей стоял высокий безликий молодой мужчина с ветвистыми рогами; Эниф признал в нём того, кто встретил его в начале праздника.

«Прощайтесь, – прозвучал в голове туманный голос. – Ты можешь оставаться здесь хоть всю жизнь, Антарес, но его бесконечность ещё не настала. Он должен уйти».

Лицо Антарес потускнело. Да, это было неправильно, эгоистично и необдуманно, пусть оно и осталось в мыслях, но Эниф был готов хоть голыми руками убить этого безликого мужчину за то, что был сейчас с ними так жесток. Был жесток с ним.

– Сколько у нас ещё есть времени? – спросила Антарес упавшим голосом. Шестёрка бабочек-недотрог опустилась на рога безликого человека и замерла, как будто образовав корону.

«Немного. Достаточно, чтобы сказать самое важное, но до боли мало, чтобы этого хватило до следующей встречи».

Антарес коротко кивнула, поднялась и взяла Энифа за руку.

– Идём, – коротко бросила она, и они почти бегом вышли из-под полого склонённых ив. Мужчина с рогами слегка наклонил голову и поправил невидную глазам ещё живых смертных мантию.

Эниф и Антарес вышли на смотровую площадку, ту же, где они и встретились, только теперь она не ограничивалась перилами: широкая лунная дорога спускалась от неё прямо к Земле.

– Я не хочу уходить, – отчаянно прошептал Эниф, боясь, что, если его услышат, выпроводят силой. – Я не уйду. Я останусь здесь. Я... Я не смогу без тебя. Не после того, как меня так жестоко подразнили.

Светлое лицо Антарес исказила боль.

– Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, Эниф. Мне тоже больно. Я не могу спускаться на Землю и смотреть на тебя, как бы мне этого ни хотелось. Но ты должен уйти.

– Нет!!!

– Послушай, – Антарес запнулась и забегала глазами. Она

волновалась. – Время идёт, Эниф, и однажды наступит такое, когда мы снова встретимся.

Что-то глухо зарокотало. Эниф почувствовал, как под ним дрожит земля, и что-то большое, тяжёлое подвинулось под ним на несколько метров.

– Время уходит... – в панике прошептала Антарес. – Беги скорее по лунной дороге обратно на Землю. Ты должен успеть вернуться до того момента, когда Луна повернётся своей обычной стороной, потому что, как только последний миллиметр скроется в вечной тени, дорога пропадёт. Ты упадёшь с огромной высоты.

– Тогда я тем более не сдвинусь с места, – решительно возразил Эниф. – Я не уйду.

– Умоляю, Эниф! – в отчаянии воскликнула Антарес. Её слёзы страха резанули по сердцу Энифа не хуже лезвия ножа. – Ради меня, уходи! Дождись, когда твои часы оттикают свою последнюю секунду, и тогда мы снова встретимся.

Эниф всё стоял. Он не находил в себе сил сдвинуться с места.

– Ну что?! Что мне сделать, чтобы ты меня послушал?.. – уже плача, спросила Антарес. Эниф грустно поджал губы.

– Ты же понимаешь, что, когда я вернусь, мой до противного рациональный мозг после первой же ночи скажет мне, что это был сон? Я ведь... Я ведь учёный, Антарес.

Пару мгновений Антарес, сглатывая слёзы, над чем-то думала.

– Что ж... Это можно, – сказала она наконец и потянулась к своему плечу, на котором сидела летяга. Та смотрела то на неё, то на Энифа своими огромными чёрными бусинами. – Милое создание, не правда ли? – попыталась улыбнуться Антарес, но вышло плохо. – Я пошлю её к тебе. В знак того, что всё здесь было правдой.

Земля под ногами сдвинулась вместе с ними ещё на пару метров, причём с такой силой, что Эниф пошатнулся.

– А теперь иди, – шепнула Антарес. – Беги, точнее. У тебя совсем мало времени.

Да, времени было очень мало, тем более для Энифа: вот если бы ему позволили остановить время для всех, кроме него и Антарес, причём, желательно, на вечность, вот тогда бы времени было достаточно. А сейчас его не было совсем. Он бы остался. Он совсем не думал о том, что может с ним случиться, если лунная дорога исчезнет под его ногами. Даже наоборот, эта мысль грела ему сердце, ведь разлука с Антарес тогда была бы такой короткой! Но в её глазах было столько боли и страха, которых так боялся Эниф, что он не смог поступить по-другому. Он шагнул к ней. Крепко обнял.

– Ну всё, всё, – шепнула она ему на ухо. – А теперь беги.

И он побежал. Антарес не стала стоять на краю площадки и провожать его взглядом, хотя ей очень хотелось, – специально, чтобы не давать ему повода оглянуться и потерять такое драгоценное время. Просто правда была в том, что она знала об этом мире чуть больше Энифа: о мире, где оказа-

лась она и сегодня ночью – он.

Эниф этого уже не видел, но безликая девушка с повадками гиены отдала Антарес её телескоп.

В это время он бежал. И он чувствовал, как Луна на удивление быстро поворачивается к Земле своей привычной стороной – теперь всё ему казалось слишком быстрым и мимолётным. Он не смотрел по сторонам, он смотрел только на бело-голубой шар с тысячами таких знакомых, таких родных рыжих огоньков. И он бежал со всех ног.

Но сердце было против.

В прямом и переносном смысле.

Спустя несколько минут Эниф уже еле переставлял ноги. Он чувствовал, как лунная дорога под ним начинает блёкнать и рассеиваться, словно туман, – это огромное жгучее Солнце, напоминавшее льва, начало выглядывать из-за Земли, и его лучи местами разрушали лунный свет. Страшно не было. Энифа вообще сложно было напугать, тем более тогда.

Он даже не сразу понял, что произошло. Просто в какой-то момент заметил, что он больше не идёт, а летит на сумасшедшей скорости. Но он не падал, нет: что-то белое и огромное несло его на своей спине.

– А, это ты, – добродушно улыбнулся Эниф, выдавив из себя вымученную улыбку. – Спасибо, дружище. Помог сумасброднему старику.

Лебединая лошадь размером с медведя ничего не ответила, только неопределённо фыркнула и мотнула большой го-

ловой.

После всего того, что он увидел этой ночью, его собственный дом показался ему таким же фантастичным, как в начале – безликая девушка. До земли оставалось пара десятков метров, когда последний лунный луч, по которому бежала лошадь, начал стремительно тускнеть.

– Брось меня здесь, друг, – неуверенно крикнул лошади Эниф, когда они пролетали над рекой. – Ты не успеешь до моего дома. Тут я хоть не разобьюсь.

Лошадь так же неуверенно остановилась. Эниф глянул вниз, развернулся и перекинул ноги на один бок.

– Прощай. Дай Бог ещё свидимся.

Тело скользнуло в пустоту. Когда Эниф вынырнул и, фыркая и отплёвываясь от воды, поднял глаза в небо, там уже никого не было, только большое пушистое облако в небе напоминало лошадь размером с медведя и с шеей длинной и кривой, как у лебедя.

Эниф не помнил, как добрёл до своего дома. Вроде он шёл сквозь парк – тот самый парк рядом с их домом, в котором была река и по набережной которой Эниф катал на велосипеде Антарес. Очнулся он, когда тапочки знакомо зашлёпали по полу и остановились у кровати. Он лёг. Голову знакомо охватывала подушка, одеяло привычно грело тело. В окно смотрела полная луна. Обычная полная луна, без всяких выкрутасов. Эниф зябко провёл ладонями по плечам. Как будто и не вставал.

Наверное, он задремал, потому что в следующий раз, когда он открыл глаза, высокие напольные часы в коридоре гулко ударили четыре раза. Вспомнилась прошедшая ночь. Эниф горько усмехнулся.

Но не успел он хорошенько погрузиться в свои печальные мысли, как вдруг в глаза бросилась подозрительная пустота на одном месте. Эниф резко выпрямился в кровати, так что у него потемнело в глазах, – телескопа не было. Он опустил взгляд – на ладони краснел ожог.

И тут кто-то зашуршал за окном. На раму надавили с обратной стороны, она открылась, и в комнату протиснулась белоснежная летяга размером с его ладонь. Она прыгнула, ловко перелетела через всю комнату и приземлилась ровно на плечо Энифа. Маленькие прохладные лапки коснулись его уха и пощекотали его своим тёплым дыханием.

Эниф прорыдал всю оставшуюся ночь до самого утра. Впрочем, когда взошло солнце, он тоже плакал.